

Жуковой. Суд сердца. Самопожертвование. Падающая звезда. Мои курские знакомцы. В. Г. Белинский belinskiy
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

Повести Марьи Жуковой. Суд сердца. Самопожертвование. Падающая звезда. Мои курские знакомцы. В. Г. Белинский

Книги, как и хлеб, зависят от урожая. Для них бывают счастливые годы и месяцы. Это хорошо знают издатели ежемесячных журналов: от урожая или неурожая книг в том или другом месяце зависит плодovitость и сочность или скудость и сухость библиографического отделения в книжке их журнала. Первые полтора месяца нового 1840 года были очень неблагоприятны в этом отношении для «Отечественных записок»: книжный неурожай был так велик, что почти не о чем и нечего было им поговорить с своими читателями; но конец февраля и начало марта оказались (разумеется, сравнительно) необыкновенно плодородными. Если из появившихся в этот небольшой промежуток времени книг ни одна не заслуживает безусловной похвалы, то некоторые отличаются большими относительными достоинствами, а многие не заслуживают безусловного порицания; но, что всего лучше, о тех и других можно поговорить не шутя. Это большая выгода для журнала, в котором библиографическое отделение назначается не для потехи толпы, а для пользы публики. Есть журналы, для которых всякий предмет человеческого уважения – и искусство и знание – служит поводом к скоморошному глумлению для потехи черни, которые и из поэтической Авроры Гомера готовы сделать плоский каламбур и которые только из приличия не называют себя «балаганными»: для таких «специальных» журналов истинный клад и неоцененное сокровище – серобумажные романы самородных гениев в фризовых шинелях, во множестве появляющиеся в обеих наших столицах^{1}. Но журнал, имеющий целью благородное наслаждение не грубой и невежественной толпы, а образованной публики, с неудовольствием и отвращением принимается за отчеты об изделиях плодovitой и досужей бездарности и полуграмотности, которую, за неурожаем дельных книг, должен ограничиваться. Напротив, его радует всякая книга, положительно или отрицательно замечательная, потому что она дает ему возможность высказать какую-нибудь мысль или по крайней мере какое-нибудь дельное мнение. Всякий истинно литературный или ученый, а не балаганный журнал должен избрать своим девизом эти стихи Пушкина:

Служенье муз не терпит суеты;

Прекрасное должно быть величаво!^{2}

Одним из лучших литературных явлений нового года по справедливости должно назвать повести г-жи Жуковой. Имя г-жи Жуковой – почти новое имя в нашей литературе, по времени его появления в ней, но уже почетное и знаменитое по блестящему таланту, который под ним является. Русская публика живо еще помнит первые повести г-жи Жуковой, появившиеся в 1837 и 1838 г., в двух частях, под именем «Вечеров на Карповке», и вышедшие уже вторым изданием. И вот теперь у г-жи Жуковой еще набралось две части повестей, из которых две, впрочем, уже прочтены публикою в журналах. Одною из них, «Падающая звезда», были украшены «Отечественные записки»^{3}. Мы вновь прочли и эти, уже читанные нами, и с таким же удовольствием, как и новые, еще не читанные нами. Многими прекрасными ощущениями подарили нас повести г-жи Жуковой, – и мы спешим поделиться результатом своих впечатлений с читателями. Повести г-жи Жуковой не принадлежат к области искусства, не относятся к тем высшим произведениям творчества, которые носят на себе название художественных. Не к этим вечно юным, озаменованным печатью высшей действительности, созданиям принадлежат они; это не произведения творческой фантазии, а произведения воображения, копирующего действительность; это не сама действительность, а только мечты и фантазии о действительности, но мечты и фантазии живые, прекрасные, благоухающие ароматом чувства. Ни одна из повестей г-жи Жуковой не представляет собою драмы, где каждое слово, каждая черта является необходимо, как результат причины, является сама по себе и для самой себя. Нет, это скорее какие-то оперные либретто, где драма нужна не для самой себя, а для положений; а положения нужны опять не для самих себя, а для музыки, и где драма не в драме, а в музыке, но где музыка была бы непонятна без драмы. Процесс явления таких литературных повестей очень прост. У автора много души, много чувства, которых обременительная полнота ищет выразиться в чем-нибудь во вне; а если, к этому, автор одарен живым и пылким воображением, душою, которая легко воспламеняется и раздражается; если он много в жизни перечувствовал, переиспытал сам, много видел и знал чужих опытов, к которым не мог быть равнодушен, на которые отзывалась его душа, – он имеет все, чтобы писать прекрасные повести, которые, не относясь к искусству, относятся к изящной литературе, или к тому, что французы называют belles-lettres^[1]. И вот он придумывает какое-нибудь либретто для мелодий своего чувства, составляет его из

Жуковой. Суд сердца. Самопожертвование. Падающая звезда. Мои курские знакомцы. В. Г. Белинский belinskiy
лиц и положений, которые дали бы возможность высказать и то и другое, что таится в его душе и беспокойною волною рвется наружу. Что же это за лица? – Да так, мечты и фантазии, идеалы, в которых есть своя действительность, своя личность, но которых вы не видите перед собою, а только представляете себе по описаниям автора. Обыкновенно эти лица – любимые и задушевные мечты автора, носящие известные имена и призраки физиономий, – и чем любимее, задушевнее, чем ближе к сердцу автора эти мечты, тем лица, играющие их роль, лучше обрисованы, живее представлены, словом – интереснее и удачнее. Но вот готовы и лица и положения, придумана завязка и развязка: остается рассказывать, – и вот тут-то рассказ получает свое полное значение, всю свою важность. Как в живописи, тут важное дело – перспектива и симметрия, расстановка обстоятельств так, чтобы важнейшее обстоятельство было выставлено яснее и виднее, менее важное в тени. С этой точки зрения, искусство рассказа есть талант, который немногим дается. Что хорошего, например, в повестях Цшокке или в повестях модных французских нувеллистов? – Рассказ: ему, одному – ему обязаны они тем, что увлекают и приковывают к себе внимание читателя. Но в повестях не все оканчивается рассказом: в них важны выбор содержания и способность оживить его. То и другое зависит от настроенности души и чувства автора. Поль де Кок выбирает предметы «забавные», Клаурен – чувствительные, французские нувеллисты неистовой школы{4} – сатанинские, кровавые, исступленные. Что касается до г-жи Жуковой, если бы мы захотели характеризовать предметы, избираемые ею для изображения в повестях, – мы назвали бы их человеческими, чему доказательством могут служить самые названия ее повестей, каковы: «Суд сердца», «Самопожертвование». С этой стороны нельзя не отдать полной справедливости г-же Жуковой: содержание каждой ее повести обнаруживает в авторе чистое сердце и возвышенную душу. Способность оживлять рассказ зависит от степени интереса, который принимает автор в героях своих повестей и в их положениях, от полноты его души и глубокости чувства. Благодаря этой способности иная повесть лишена всякого содержания, а пленяет нас потому только, что автор с чувством и без претензии помечтал à propos[2] о том и о сем.

Талант рассказа и в особенности полнота живого, горячего женского чувства составляют главное достоинство повестей г-жи Жуковой, и достоинство высокое. Прочтя несколько страниц каждой ее повести, чуть ознакомившись с ее действующими лицами и их положением, вы уже знаете, что будет дальше и чем все кончится, но тем не менее вы не в состоянии оторваться от повести, пока не прочтете ее всей. Тут есть тайна, которая особенно знакома г-же Жуковой. – У бедного помещика, владеющего пятью с половиною душами, хотя бы описать имение за долги{5}. У него жена и маленькая дочь, счастливо одаренная природою, плохо воспитываемая и страстно любимая отцом и матерью. Вот вам положение. Каковы должны быть чувства старика, которого хотят выгнать из родного жилища и который видит, что его дочь, любимица его души, утеха старости, – будет нищею? Повторяем; вот вам положение, а музыке чувства будет где разыграться. Но вот богатая графиня, нечаянно узнавшая о беде старика, выкупает его имение, и старик идет с семейством своим благодарить великодушную графиню. Бедняки рядятся в лучшее свое платье, готовятся сказать своей покровительнице и то и другое, трусят, ничего не могут сказать, а если говорят, то конфузятся; а потом немножко поднимают нос, с важностию рассказывают соседям о приеме, которым их удостоили «их сиятельства». Необыкновенный талант рассказа г-жи Жуковой умел сделать из этих подробностей живую и увлекательную картину. – Графиня берет Лизу к себе на воспитание и увозит в Петербург: грусть отца и матери, решившихся для счастья дочери на тяжкую разлуку с нею; новость положения девочки, которая скоро догадалась, что на этих пышных коврах, на этом блестящем паркете она – чужая, что тут она не дочь, а приемыш; страдание маленького самолюбия, затаенные слезы и т. п. – какие выгодные положения для мелодий чувства, и положения, сверх того, естественные, простые, чуждые всякой натянутости и эффектов, но тем более благоприятные для тихой, мелодической музыки! Наконец, наша девочка уже девушка, – и мы видим ее за границу, в Баден-Бадене. Ее любит Минский, дальний родственник графини; она любит Минского; в ее душе тихое счастье любви, готовое скоро осуществиться в действительности брака. Но за графинею ухаживает один дипломат, де Нолле, которого она любит; граф почти приказывает отказать ему от дома. Она хочет увидеться с ним в последний раз, он уже у ног ее, как вдруг входит граф; но Лиза бросается к нему навстречу и просит у него прощения, о котором будто бы уже умоляла графиню, – прощения в том, что осмелилась принять в их доме своего любовника... Граф притворился, что поверил; графиня из одного ужасного положения перешла в другое, а де Нолле, пораженный великостию такого «самопожертвования», тотчас предложил Лизе свою руку. Она согласилась, но после, объяснившись с ним, отдала назад ему слово и возвратилась в Россию, к отцу, которого слухи о поведении дочери свели на одр смертный. Она испросила прощение, уверив его в

Жуковой. Суд сердца. Самопожертвование. Падающая звезда. Мои курские знакомцы. В. Г. Белинский belins
своей невинности, и закрыла ему глаза. Потом уехала с матерью в маленький городок и завела у себя пансион. Сколько тут положений, вызывающих всю полноту чувства автора! И г-жа Жукова на каждой странице увлекает вас теплотой своего чувства, вводя вас в чувства своих героев при всяком их положении... Она не опишет вам блаженства любви; от ее рассказа не повеет на вас букетом этого чувства, как высокой гармонии двух родственных душ; скажем более: любовь в ее повестях является без всякого характера и ничего не говорит за себя. Так, например, вам будет понятно, почему Минский любит Лизу: она наделена от природы красотой, умом, чувством; но вы никак не поймете, почему Лиза, эта глубокая девушка, любит Минского, человека бесхарактерного и ничтожного, хотя и доброго. У него не было веры в нее и в ее любовь: ему достаточно было слухов, чтобы обвинить и оставить ее, он не искал даже объясниться с нею. Мало того: в конце повести он женится на другой и является одним из тех дюжинных существ, которые в юности немножко чувствуют, много мечтают и фантазируют, а в лета зрелые мирятся с жизнью на самом умеренном условии, делаются толсты и краснощеки. Истинно глубокий человек может примириться с жизнью только на слишком больших условиях или остаться при страдании, которое для него выше и прекраснее счастья дюжинных людей. Для таких существ высшей природы – «все или ничего» есть девиз жизни. Что же, спрашиваем, было общего у Лизы с Минским? Неужели любовь есть только простое влечение одного пола к другому? В таком случае, зачем же любить все одного, особенно когда этот один от нас отказался и мы вправе отдаться другому? Какой же смысл после этого имеют страдания отвергнутой или неувенчанной любви? – Потом, неужели любовь – прихоть нашей фантазии, колобродство сердца, оправдание русской пословицы: полюбится сатана лучше ясного сокола? Так точно, но только в отношении к толпе, над которою властвует слепая, рабская случайность; но не так, совсем не так в отношении к людям глубоким, к родным детям, а не пасынкам природы, которые свободны от таких случайностей, которые управляются разумною необходимостью и которых любовь есть родственность натур, гармонически устроенных. Но г-же Жуковой нужно было положение несчастной: она всегда с такою силою, с такою увлекательностью говорит о несчастье, об утратах, о скорбях запертого в себе сердца. Ей известно высокое таинство страдания, – и у нас жива в памяти героиня одной из прежних ее повестей – девушка с душою глубокою, сердцем страстным и любящим, но дурная лицом, которая любит без надежды быть любимой, знает, что любимый ею любит хорошенькую, но пустенькую девочку, которая о нем и не думает. Прочтите эту прекрасную повесть, если вы не читали ее: это лучшая повесть г-жи Жуковой{6}. Только в области искусства, только у художников лучшие повести – последние, или по крайней мере не первые.

Говорят, что г-жа Жукова прекрасно изображает женщин: это правда – ее женщины и умнее, и любящее, и истиннее ее мужчин. Но к этому прибавляют, что будто бы только женщина и может верно и истинно изображать женское сердце, которое ей знакомо по своему собственному: это и неправда и правда. Если говорить о произведениях творчества, о созданиях художественных, то неправда: Шекспир и Пушкин были, как известно всему образованному и даже необразованному миру, мужчины, а между тем никакая в мире женщина не в состоянии создать таких дивно верных, непостижимо истинных женских характеров, каковы, например, Дездемона, Юлия{7}, Офелия, Татьяна, Лаура, донна Анна. Это оттого, что мужчина, по природе своей, всеобъемлющее женщины и одарен способностью выходить из своей индивидуальной личности и переноситься во всевозможные положения, каких он не только никогда не испытывал, но и не может испытывать; тогда как женщина заперта в самой себе, в своей женской и женственной сфере, и если выйдет из нее, то сделается каким-то двусмысленным существом. Потому-то женщина и не может быть великим поэтом. Но когда дело идет о литературных произведениях, не чуждых поэзии, но чуждых художественности, женщина лучше, нежели мужчина, может изображать женские характеры, и ее женское зрение всегда подметит и схватит такие тонкие черты, такие невидимые оттенки в характере или положении женщины, которые всего резче выражают то и другое и которых мужчина никогда не подметит. Но точно так же и женщина должна далеко уступить мужчине в изображении мужских характеров и положений. И это очень понятно: в произведениях такого рода действительность не изображается такою, какова она есть, без отношения к личности изображающегося, но списывается со взгляда автора, – и чем изображаемые им предметы относительно ближе, родственнее к личности автора, тем изображения его вернее и истиннее, и наоборот. Опытность и опыт, не имеющие никакого влияния в творчестве, тут играют первую роль, и потому-то в таких произведениях лицо, хорошо и ясно представляющееся автору, не узнается читателями, и положение, с особенною любовью нарисованное автором, не интересует читателей: часто то и другое списано или переделано с известного лица или с известного обстоятельства.

Жуковой. Суд сердца. Самопожертвование. Падающая звезда. Мои курские знакомцы. В. Г. Белинский belins

Итак, полнота горячего чувства, верность многих положений, истина в изображении многих черт и оттенков женских характеров, искусный, увлекательный рассказ и, прибавим к этому, прекрасный слог, которым и мужчины редко владеют у нас, – вот достоинства повестей г-жи Жуковой. Что касается до их недостатков, которых они не совсем чужды, главнейший из них – излишняя плодовитость, чтобы не сказать растянутость. Каждая из них могла бы быть по крайней мере целою третью меньше, – и была бы, без всякого сомнения, лучше. Хотя г-жа Жукова и менее других повествователей увлекается бальзаковскою манерою рассуждать там, где надо рассказывать, но она все-таки не чужда этого недостатка. Там, где говорит ее чувство, вы невольно увлекаетесь; но где она рассуждает – скучаете немного. Женщина всего менее способна рассуждать: она, по своей природе, верно понимает и схватывает все прямо, в полноте и целостности, чувством, а не умом; начиная же рассуждать, невольно впадает в резонерство. Верно изображая событие (факт), она иногда ложно понимает его, когда вздумает объяснить его значение. Так, например, в повести «Суд сердца» молодая женщина, страстно любившая своего мужа и благодетеля, человека благородного, но годившегося ей в отцы по своим летам, вдруг любит другого и готова ему отдаться. Автор об этом странном явлении рассуждает так и сяк; а «ларчик просто открывался»: {8} благодарность и уважение совсем не то, что любовь, и, при неравенстве лет, привязать к себе женщину молодую, жаждущую любви и сочувствия молодого же сердца, привязать ее к себе одною благодарностию и удивлением{9} к себе – самое плохое и ненадежное средство.

Повесть есть самый благодарный род для литературных, беллетрических талантов. Нехудожественный роман, при всех своих достоинствах, только местами может увлекать, но целым будет производить впечатление скуки и усталости. Что касается до драмы, то пора бы уже сознать, что нехудожественные драмы могут иметь даже великие относительные достоинства на сцене, но в печати решительно никуда не годятся. Умный человек, даже с большим литературным талантом, может трудиться для театра и наконец выписаться, то есть сделаться хорошим драматическим писателем, но печататься не станет, – разве пошлит раз, да и будет. Драма не допускает ни рассуждения, ни излияния чувств по поводу того или другого положения: в драме автор должен быть невидим; лица, положения, части и целое – все должно в ней говорить само за себя. Но повесть допускает личное участие автора и может быть прекрасным либретто для музыки его чувства, а часто и ума, если только ум и музыка имеют между собою какое-нибудь отношение, хоть для того, чтобы хоть с натяжкой подать нам повод к сравнению, которое нам кажется очень годным для выражения нашей мысли. Вот почему бывают так прекрасны и нехудожественные повести; вот почему так прекрасны и повести г-жи Жуковой. Но везде важное дело – знать пределы и сферу своего дарования. Мы не скажем, чтобы повести г-жи Жуковой, герои которых не русские, а место действия не Россия, были не только не хороши, но и не прекрасны; однако ж нам больше нравятся те из повестей г-жи Жуковой, герои которых русские, а место действия Россия: в них ее талант свободнее, больше у себя дома.

Из четырех новых повестей г-жи Жуковой мы положительно недовольны последнею – «Мои курские знакомцы». В ее рассказе много бальзаковской манеры, то есть рассуждений, а по-нашему – резонерства. Основная мысль ее прекрасна: доказать, что для женщины и вне брака есть высокая жизнь – в жизни для других, для отца, матери, братьев, сестер и пр. Такая мысль требовала бы и выполнения, достойного себя, а повесть г-жи Жуковой слаба и бесцветна. Сверх того, есть противоречие между рассуждениями сочинительницы и самою повестью. В рассуждениях она спорит против мужчин, ограничивающих сферу женщины исключительно семейственною жизнью, а в повести показывает, что и вне брака сфера женщины все-таки в семейственности. Назначение женщины – быть счастливою, делая счастье другого, отказываясь от себя для другого. Так; но есть же ведь разница – отказаться от себя для милого сердцу человека, словом, для мужа, или посвятить себя, всю жизнь свою отцу, матери или другому родственнику?.. Если человек по какому-нибудь несчастному случаю лишился употребления рук и ног, да к этому потерял еще и зрение, – для него все-таки существует и молитва к богу, и мысль, и чувство, и минуты умиления и радости, словом – для него все еще остается жизнь, и он все еще человек; но кто же скажет, что все равно, быть с руками, ногами и глазами или быть без них?.. Так точно нельзя сказать: все равно для женщины, что выйти замуж, что навек остаться девушкою. Равным образом, нельзя слишком нападать и на общество, которое особенными глазами смотрит на девушку-Минерву и с особенною улыбною говорит: девушка в сорок или пятьдесят лет!{10} Все, не выполнившее своего назначения, кажется чем-то странным. Физиологи – невежливый и грубый народ! – даже утверждают (но мы первые не верим этому!), что будто у

уковой. Суд сердца. Самопожертвование. Падающая звезда. Мои курские знакомцы. В. Г. Белинский belinskiy
засидевшихся девиц притупляется от лет восприимчивость впечатлений и слабеют другие способности души. Должно быть, что это клевета педантов, во имя науки: достоверно только то, что все, не выполнившее своего назначения, как-то странно и двусмысленно. Впрочем, женщина, которая, отказавшись от надежды на замужество (особенно если потому, что не хотела отдаться по расчету немилому сердцу, а милого, почему бы то ни было, не нашла), принялась не за сплетни и злословие, а обратила жар своего любящего сердца на своих родных, или своего родного, и им, или ему, бескорыстно посвятила всю жизнь свою, – есть явление прекрасное, святое, достойное высокого уважения. Только нам кажется, что в «Самопожертвовании», когда мы видим Лизу учительницу маленького женского училища, г-жа Жукова, может быть, сама того не подозревая, удачнее изобразила такую женщину, нежели в повести «Мои курские знакомцы».

Сноски

1 беллетристической (франц.). – Ред.

2 кстати (франц.). – Ред.

Комментарии

1 Среди русских журналов этого времени подчеркнутой беспринципностью отличалась «Библиотека для чтения» О. И. Сенковского. Фриз – дешевая ткань типа байки. Сочинители во фризových шинелях, фризурная литература – определения, используемые критиком для обозначения авторов низкопробных произведений и их продукции.

2 Цитата из стихотворения «19 октября» (1825).

3 Повесть «Падающая звезда» публиковалась в «Отечественных записках» в 1839 г. (т. V, № 9, отд. III, с. 171–250).

4 Терминами «неистовая школа», «неистовая словесность» в русской критике начиная с 30-х гг. обозначали прозу французских романтиков В. Гюго, Ж. Жанена, Э. Сю и др. Как программное произведение «неистовой школы» был прочитан в России роман Жанена с примечательным названием «Мертвый осел и обезглавленная женщина» (ч. I–II, М., 1831); автор романа и его литературные единомышленники решительно отвергали поэтику «украшенной природы» и утверждали необходимость рисовки «голой натуры».

5 Имеется в виду повесть «Самопожертвование».

6 Имеется в виду повесть «Медальон» (1837).

7 Имя шекспировской героини в те годы переводилось как Юлия: см., например, перевод М. Н. Каткова – «Ромео и Юлия» (1839; опубликован в 1841 г.).

8 Усеченная цитата из басни И. А. Крылова «Ларчик» (1808).

9 По-видимому, опечатка. Должно быть: «уважением к себе...»

10 Перефразированные слова Чацкого из «Горя от ума» (д. I, явл. 7).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!